

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД КРИТИКО-ПОЛЕМИЧЕСКОЙ
ПРОЗОЙ ПУШКИНА 1830 ГОДА

Значение "журналистского" 1830 г. в творчестве Пушкина еще не увязано в достаточной мере с динамичностью творческого процесса и идейно-художественной эволюцией рубежа 1830-х гг. В данной статье предпринимается попытка интерпретации некоторых особенностей Пушкина-критика и полемиста (по статьям 1830 г.). Критика Пушкина до сих пор остается одним из наименее изученных пластов его прозы. Выбор материала обусловлен рядом причин. Укажем важнейшие: в связи с участием в издании "Литературной газеты" резко возрастает продуктивность и разнообразие жанров и форм журнальной деятельности Пушкина-журналиста (его можно сравнивать лишь с 1836 г., когда готовились к печати номера "Современника"). В 1830 г. Пушкин впервые принимает участие в составлении и редактировании периодического издания (Литературная газета, № 3-12). В ходе активного участия в редакционно-издательских делах и столкновения с современным журнальным бытом и нравами журналистики рубежа 30-х гг. Пушкин непосредственно ощутил бурный процесс демократизации литературных и читательских кругов, стимулировавший смену поколений в литературном процессе со всеми сопутствовавшими ему противоречивыми и негативными последствиями, характерными для периода, когда понятие "демократизация" еще выступало как синоним эклектизма и омешанивания, а формирование прогрессивной эстетики и идеологии демократов-разночинцев находилось в зачаточном состоянии¹. Журнальная деятельность Пушкина 1830 г. подверглась определенным воздействиям со стороны современной журналистики, отличавшейся возросшей активностью и крайней неразборчивостью в способах и приемах борьбы с "литературными аристократами" - от политического доноса (Ф.В.Булгарин) до публичного обсуждения внешнего неблагообразия (М.А.Бестужев-Рюмин)². В одной из новейших работ о роли Пушкина в формировании позиции "Литературной газеты" указывается на "неизбежность даже тактического усвоения некоторых приемов полемики, свойственных противникам", так как "ход полемики и недобросовестные приемы противников диктовали свои условия"³. Кроме того, ожесточенная полемика

вокруг Пушкина и "Литературной газеты" – конкретный "фон" критики и публицистики 1830 г. – уже неоднократно являлась объектом изучения и в общих чертах достаточно известна, а это избавляет от необходимости ее повторного освещения⁴.

Процесс самоопределения и выработки собственной тактики в полемике 1830 г., которая оказалась неотъемлемой частью современной журнальной критики, для Пушкина был непрост. С одной стороны, ощущалась потребность разъяснить суть полемик и противопоставить им свою программу литературно-критической деятельности, сформулированную в полемической заметке <О журнальной критике>: " <...> произведения нашей литературы... живут и умирают не оцененные по достоинству. Критика в наших журналах... ограничивается сухими библиографическими известиями, сатирическими замечаниями... общими дружескими похвалами <...> Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху и влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных <...> Высокопарные прозвища, безусловные похвалы, пошлые восклицания уже не могут удовлетворить людей здравомыслящих" (X1, 89)⁵. С другой – существовала постоянная опасность быть втянутым в мелочные личные склоки по принципу "сам съешь" (X1, 151), необходимость входить в контакт с "литературными башкирцами". В ходе этого процесса проявилось стремление к отчетливому отделению литературной (эстетической) критики от полемики. Последняя чаще всего сводилась к морально-этической и социальной проблематике. В ответ на "обиняки" и "нелитературные обвинения" противника она подчас принимала форму личностей – Пушкин был склонен отвечать противнику тем же, решительно возражая против "чопорности и дамоподобности" в литературе. См. неопубликованный <Разговор о критике>: "Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать в тебя грязью! посмотрите на англ.<ийского> лорда: он готов отвечать на учтивый вызов *gentlemen* и стреляться на кухенрейтерских пистолетах или снять с себя фрак и боксовать на перекрестке с извозчиком" (X1, 91).

Разграничение критики и полемики имело свою предысторию. Оно восходило к традиционной для начала XIX в. иерархии, в соответствии с которой литературная критика относилась к более высокому пласту журнальной деятельности, чем полемика. Становление критики и ее принципов связывалось с авторитетом Н.М.Карамзина и В.А.Жуковского, отдавших предпочтение пози-

тивной, беспристрастной критической деятельности, способностью к которой обладал далеко не каждый издатель и литератор⁶. Позднее, в атмосфере литературных споров, сатир и критик Арзамаса, образовалась и иерархия в полемике, к тому времени уже узаконенному роду журнальной деятельности. Тем не менее ощущалась этическая грань, отделяющая принципиальные литературные споры внутри общественно-литературной группировки или между группировками от полемики с "недостойным" противником. Пускаться в публичную полемику с "недостойными" означало опуститься до нее⁷. Для многих членов пушкинского круга это было связано с определенным барьером, преодолеть который даже в период открытой "войны журналов" оказалось сложно или невозможно. Так, например, ответная тактика Пушкина, "отделавшего их (т.е. противников. – А.А.) на их же манер", в заметке <О записках Видока> вызвала неприятие В.П.Титова: "... у нас успели открыть новый способ критики: аллегорически описывать жизнь и нравственность противника. Фаддей, осердясь на разбор "Дмитрия Самозванца", описал Пушкина, закрывшись именем Гофмана⁸, Пушкин дал Фаддею название Видока и также описал его. Я надрывался, толкуя Вяземскому и братии, что это скверное оружие даже против Булгарина; но глас мой раздавался в пустыне"⁹.

Не менее категорично отреагировал и В.А.Жуковский на выступление Пушкина с полемическим разбором "Истории русского народа" Н.А.Полевого¹⁰, стимулировавшими полемику "Московского телеграфа" с "Литературной газетой", в письме к П.А.Вяземскому: "<...> перестань связываться с Полевым. Чего доброго, он еще вадумает или уже вадумал, что век Карамзина уступил его веку <...> Досадно, что газета ваша не удержалась и вступила в бой с этими замаранными пролетерами так называемой русской литературы. Пользы нет, а вы позапачкались"¹¹.

Пушкин одним из немногих преодолевает этот барьер, выступая за активную позицию в полемике, суть которой сводилась к принципиально важному комплексу вопросов о социально-эстетическом статусе писателей пушкинского круга, их общественно-литературной ценности в условиях начавшейся на рубеже 30-х гг. смены поколений в литературном процессе. Ему приходилось всерьез считаться с тем, что инициатива (а значит, и значительная доля "массового читателя" 30-х гг.) оказалась на стороне противников, обладающих литературным опытом, профессиональ-

ной ловкостью и крайне неразборчивых в средствах. В открытой борьбе с таким противником традиционные, серьезные формы полемики оказывались недостаточными и малоэффективными. Необходимы были новые формы и способы: яркие, емкие, наполненные и глубоким смыслом, и острой шуткой. Назрела потребность поднять полемику из грязного журнального быта на высоту подлинного искусства. Ю.Н.Тынянов очень точно определил путь, на который вступала современная Пушкину журналистика, сформулировав одну из главных задач, перед решением которой она остановилась к 1830 г.: "... Критика должна ориентироваться на себя как на литературу<...> Эта критика завязывалась в какие-то узлы в начале столетия... и в 20 и 30-е годы шла выработка критики как литературы"¹². Осуществлением такой эстетически значимой "критики как литературы" явился пушкинский образ Феофилакта Косичкина. Маска Косичкина освобождает Пушкина от все же сопровождавшего такую полемику пафоса преодоления. Ср.: "<...> Если уж ты пришел в кабак, то не прогневайся - какова компания, таков и разговор..." (XI, 193).

Процессы, отразившиеся в "журналистской" прозе "полимического" 1830 г. могут рассматриваться как пролог сатирических памфлетов друга "почтенного Александра Анфимовича Орлова".

В критической и полемической прозе этого года явственно наметились две тенденции. Определить их помогает наблюдение над соотношением и спецификой опубликованного в "Литературной газете" и текстов, оставшихся в черновиках. Эти тенденции связаны с разграничением критики и полемики (кстати, проявившемся не только у Пушкина, но и, вероятно, под его воздействием отразившемся в издательской практике "Литературной газеты" зимы-весны 1830 г.), но полностью с ним не совпадают. Деление проходит не столько по роду журнальной деятельности (критика-полемика), сколько по ее формам и жанрам. Первая, наиболее заметная тенденция связана с традиционными формами и жанрами критики и полемики. Так, до отъезда в Болдино 31 августа - в период наиболее интенсивного сотрудничества в "Литературной газете" - в ней опубликованы 9 рецензий и заметок информационно-библиографического характера¹³ и 5 программных полемических статей и полемических заметок¹⁴. Как видим, здесь преобладает критика. Многие монографические рецензии содержат полемические "штильки", оригинальные полемические вкрапления, но это ни в коей мере не нарушает их доминирующей

ориентации на литературную критику и не разрушает признаков поэтики жанра. Например, в рецензии на "Карелию, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой" полемический эффект заключен в обильном цитировании текста поэмы Ф.Н.Глинки. Таким образом, Пушкин, не высказываясь прямо, дает оценку современной журналистике через отбор иллюстративного материала рецензии¹⁵.

Рядом с этой традиционной тенденцией подспудно намечается и другая – ответить противнику его же оружием, усиленным меткой сатирой, разоблачающим смехом. Она связана со стремлением наметить и освоить еще нетрадиционные, новые способы и формы ведения журнальной полемики, необходимость участия в которой, как уже было отмечено, реально осознавалась. Сюда относим тексты: <О записках Видока>, "Собрание насекомых, стихотворение А.С.Пушкина", опубликованные в "Смеси", и оставшиеся в набросках <Альманашик>, "Детская книжка", <Общество московских литераторов>. Проявившийся в них новый подход к освоению полемического материала, поиски в области поэтики полемических жанров столь значительны, что позволяют, на наш взгляд, говорить об особой памфлетно-сатирической тенденции, проявившейся в прозе Пушкина-журналиста 1830 г. в процессе непосредственного контакта с современным журнальным бытом, как ответной реакции на "личности", обиняки, "нелитературные обвинения". Начало ее восходит к памфлету 1829 г. "Отрывок из литературных летописей", направленному против недопустимой с точки зрения журнальной этики выходки многолетнего издателя некогда авторитетного журнала "Вестник Европы" М.Т.Каченовского. Как известно, критика со стороны "купца" и разночинца Н.А.Полевого была им воспринята не только как личное оскорбление, но и как едва ли не покушение на общественные устои. Отсюда и такая неадекватная реакция – донос на Полевого и цензора С.Н.Глинку, пропустившего эту критику, в цензурный комитет. "Господин Парнасский старовер" не желал считаться с изменившейся за 20 лет ситуацией в журналистике. На этом сопоставлении – быстро меняющееся время и остающийся на месте в течение 26 лет Каченовский – построен сюжет "Отрывка из литературных летописей". Симпатично, что, вступаясь еще не за себя, а защищая Полевого, Пушкин недвусмысленно высказывается о недопустимости личных обвинений и тем более официальных санкций против противника как тактического приема в полемике. Но заметим, что почти одновременно с публикацией в "Северных цветах" на 1830 г. этого памфлета появляется эпиграмма на Каченовского "Журналами обиженный жесто-

ко...”, где, в частности, сказано: “<...> Нельзя писать: Та - жой - то де старик, Козел в очках, плюгавый клеветник, И зол и подл: все это будет личность” (Ш, 154). И ведь это не только написано, но и напечатано (см.: Московский вестник. 1829. № 7). Видимо, эпиграмма, жанр более острый и свободный от этикетных норм, первой обнаружила стремление ответить некорректному противнику его же оружием. Именно она выполняла функцию памфлетно-сатирической (или - шире - “смеховой”, “игровой”) тенденции до 1830 г. Как известно, большая часть эпиграмм Пушкина приходится на вторую половину 20-рубуж 30-х гг. (после 1830 они почти не встречаются). Сам Пушкин, заметив, что “<...> сатира не критика - эпиграмма не опровержение” (Х1, 91), уже фактом противопоставления “сатиры” и “эпиграммы” “критике” и “опровержению” косвенно признавал наличие двух отмеченных тенденций - памфлетно-сатирической и критико-полемиической - в полемике 1830 г. Процесс “выработки критики как литературы” тесно связан именно с памфлетно-сатирической тенденцией. Для современников она отчетливо проявилась в заметке <О записках Видока>. Здесь она реализуется в скрытом пародийном виде: по жанру это типичная библиографическая заметка (ср. с заметкой <О записках Самсона>), а по форме - острый антибулгаринский памфлет, так как подлинный смысл текста проясняется при соотнесении его семантики с внетекстовыми реалиями (личностью и биографией Булгарина) и, таким образом, выходит за пределы жанра библиографической заметки, разрушая его и превращая в сатирический памфлет. Такое разрушение жанра извне порождало необычный эффект и в то же время делало памфлет неуязвимым для цензуры. На аналогичном принципе пародийного использования традиционных жанров построен и текст “Собрание насекомых, стихотворение А.С.Пушкина”. Оно сопровождается как бы библиографическим объявлением: “<...> В непродолжительном времени выйдет оно (т.е. стихотворение. - А.А.) особою книгой, с предисловием, примечаниями и библиографическими объяснениями <...> Издание сие украшено будет искусно литохромированным изображением насекомых. Цена с пересылкою 25 руб.” (Х1, 131). По мнению Е.Ф.Егорова, Пушкиным здесь изобретен особый жанр “статьи-угрозы”, “статьи-предостережения” для зарвавшегося противника¹⁶. Одновременно с данными опубликованными в “Смеси” “Литературной газеты” текстами памфлетно-сатирическая тенденция продолжает

развиваться в черновиках и набросках. И <Альманашиник>, и "Детская книжка", и <Общество московских литераторов> в значительной степени представляют собой оригинальные и по жанровому воплощению, и по острой сатирической окрашенности произведения. Противник разоблачается и уничтожается смехом. Сатирическому суду подвергнуты все главные противники: Булгарин, Полевой, Надеждин, Каченовский, Бестужев-Рюмин. Сатирические сценки <Альманашиника> воссоздают атмосферу литературного быта "альманашной" низовой журналистики. Выведя под именем Бесстыдина одного из наиболее назойливых своих противников М.А.Бестужева-Рюмина, Пушкин разоблачает его нравственное и литературное ничтожество. Драматическая форма <Альманашиника> связана с актуализировавшимся к 1830 г. диалогическим началом ряда полемических статей¹⁷. Диалог между Бесстыдиным и Альманашиником используется как средство саморазоблачения персонажей, он не требует прямого авторского вмешательства, создает иллюзию объективности, картинку с натуры, беспристрастного очерка нравов. Заметим, что жанр диалогической сценки был распространен в журналистике 30-х гг. В частности, его разрабатывали Н.А.Полевой, Ф.В.Булгарин, М.А.Бестужев-Рюмин. "Детская книжка", состоящая из трех нравственно-сатирических "портретов" Полевого, Свинына, Надеждина ("Ветреный", мальчик", "Маленький лжец", <Ванюша, сын приходского дьячка...>), представляет собой пародию на жанр литературного портрета, литературной биографии. Недостатки и пороки противников представлены в сниженном, комическом виде. То, что это именно "Детская книжка", т.е. "герои" ее – дети, наделенные "детскими" пороками, подчеркивает несостоятельность их серьезных общественных и литературных притязаний¹⁸.

Своей блестящей кульминации, оказавшейся одновременно и ее завершением, памфлетно-сатирическая тенденция достигает в написанных Пушкиным и опубликованных в 1831 г. в "Телескопе" памфлетах "Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимозич Орлов" и "Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем". После 1831 г. она теряет актуальность и больше к ней Пушкин не возвращается. Заметим, что болдинская пауза в развитии этой тенденции, после которой следует такой стремительный взлет, – лишь видимость перерыва. Возникновение образа Феофилакта Косичкина непосредственно связано со становлением мира болдинской прозы (повествователь

"Домика в Коломне", Иван Петрович Белкин, автор "Истории села Горюхина") и было бы без него невозможно¹⁹. Кроме того, в Болдине уже возникло стремление "отделать их на их же манер" (ХІУ, 122), но еще не смогло реализоваться, так как болдинское творчество оказалось связанным с другим крупным полемическим замыслом, находившимся в процессе разработки на протяжении почти всей болдинской осени, — <Опровержением на критики>, перешедшим в "Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений". Определяющим и доминирующим здесь оказалось стремление к обстоятельному, достойному ответу в достойной форме "недостойным" противникам перед лицом современной читательской аудитории.

Мысль, высказанная еще Н.Г.Чернышевским в "Очерках гоголевского периода русской литературы", о сознательном отказе от "господства над массой публики", проявившемся в издательской практике "Литературной газеты" и "Современника"²⁰, по отношению к Пушкину-полемисту 1830 г. нуждается в уточнении. Избранная им установка на отражение и личных, и литературных, и политических враждебных выходов противника, а также проявившееся в процессе ее реализации разнообразие тактических приемов ведения полемики отличают Пушкина практически от всех других сотрудников газеты. Отчетливое проявление именно в этот момент памфлетно-сатирической тенденции оказывалось не просто способом защиты своего личного и гражданского достоинства, но и попыткой активного воздействия на общественное мнение. Сатирические выступления Пушкина явились не только полемическими, но и художественными произведениями, обладавшими сильным эмоционально-эстетическим воздействием на современного читателя. Излишне напоминать, сколь актуальна была задача формирования, воспитания аудитории единомышленников, создания определенного общественного мнения вокруг конкретных уродливых и негативных явлений кризисного "смирдинского" периода русской литературы, с которыми Пушкину пришлось открыто столкнуться в 1830 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Гинзбург Л.Я. О старом и новом. Л., 1982. С. 67-68, 122-125.
- 2 В данном случае имеются в виду официозные издания Ф.В. Булгарина и Н.И.Греча, "Московский телеграф" Н.А.Полевого, литературная газета "Северный Меркурий" М.А.Бесту-

- жева-Рюмина как колоритный образец журнального быта 30-х гг. в наиболее вульгарном и эклектичном его проявлении. Думается, что их единодушное выступление против Пушкина и общественно-литературных, морально-этических принципов пушкинского круга, объединившее на короткое время издателей "Северной пчелы", "Сына Отечества" и "Северного архива" с "Московским телеграфом", допускает такое объединение применительно к 1830 г.
- 3 Сидяков Л.С. Статьи Пушкина в "Литературной газете" и формирование позиции газеты в общественно-литературной борьбе рубежа 1830-х годов // Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 102.
 - 4 Назовем лишь некоторые исследования: Гиппиус Вл.В. Пушкин и журнальная полемика его времени // Памяти Пушкина. СПб, 1900; Гиппиус В.В. Пушкин в борьбе с Бугларинным в 1830-1831 гг. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6; Замков Н.К. К истории "Литературной газеты" барона Дельвига // Русская старина. 1916. Кн 5; Степанов Н.Л. "Литературная газета" // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1; Блинова Е.М. "Литературная газета" А.А.Дельвига и А.С.Пушкина: Указатель содержания. М., 1966.
 - 5 Тексты Пушкина (с указанием тома и страниц) даются по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., 1937-1949.
 - 6 В.А.Жуковский в программной статье "О критике" (1809) отмечал: "С с о р а , с р а ж е н и е , м е ж д у - у с о б и я - все эти ужасные слова, которыми... окружили миролюбивое слово к р и т и к а , совсем не принадлежат к е е с в и т е . Критика есть суждение, основанное на правилах образованного вкуса, беспристрастное и свободное" (Жуковский В.А. Эстетика и критика. М., 1985. С. 218).
 - 7 В этом отношении характерна переписка П.А.Вяземского с Д.В.Дашковым 1824 г. Вяземский-Дашкову, 30 мая: "Бог знает, что лучше: отмалчиваться или отбраниваться? <...>от великодушного претерпевания христианских пощенин... только один шаг. Поди после разбирай, по какую сторону стал ты едва означенной черты. <..>Я... из частных полемиков и потому... или сам должен наскочить на какого-нибудь плюгавца, или какому-нибудь плюгавцу дать

наскочить на себя... Накладно если не бокам, то имени, которое должно схлеститься с именем позорным и быть вывешено на псарне наших журналов!" Ответ Дашкова от 24 июня любопытен уже осознанной неадекватностью формы полемики ее объекту: "Мне жаль было видеть не словесную войну вашу с бессловесными, а формы войны: с честным корсаром дерутся по правилам, а морских разбойников вешают без суда на бизань-мачту. Вы начали маневрировать à la Wellington, а надобно было взять нагайку à la Platoff" (цит. по кн.: Гиллельсон М.И. П.А.Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 42-43, 45).

- 8 Северная пчела. 1830. 11 марта. № 30.
- 9 В.П.Титов - С.А.Шевыреву. 1830. 28 апреля // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 96.
- 10 Литературная газета. 1830. 16 янв. № 4; 25 февр. № 12.
- 11 Цит. по кн.: Гиллельсон М.И. Указ. соч. С. 175.
- 12 Тынянов Ю.Н. Журнал, критик, читатель и писатель // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 149.
- 13 В отделе "Библиография" - монографические рецензии "Юрий Милюславский, или Русские в 1612 году"; "Денница. Альманах на 1830 год"; "Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой"; информационно-библиографические заметки "Илиада Гомерова"; "Невский альманах на 1830 год". В отделе "Смесь" - <О "Некрологии генерала от кавалерии Н.Н.Раевского">; <О переводе романа Б.Констана "Адольф">; <О записках Самсона>; <О "Разговоре у княгини Халдиной" Фонвизина>.
- 14 В отделе "Библиография" - полемические статьи-рецензии "История русского народа", сочинение Николая Полевого. Статья 1 и П. В отделе "Смесь" - полемические заметки <О журнальной критике>; <О статьях кн. Вяземского>; <Объяснение по поводу заметки об Илиаде>.
- 15 Герой Глиники рассказывает о жизни "лесной Карелы", где, в частности, нет журналов, а значит,

 <..> Литературные нахалы
 Не назовут по именам
 И по отечествам, чтоб гласно,
 Под видом критики ругать:
 То с здравым смыслом несогласно!
 И где, кто б мог закон сыскать,

Который бы людей уволил
От уэ приличия? И им,
Как будто должное дозволил
По личным прихотям своим
Порою ж и по ссоре личной,
Кричать, писать, ругать публично?.. (X1, 115).

- 16 Егоров Б.Ф. О жанрах литературно-критических статей Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1978. С. 54.
- 17 На это указывает и Б.Ф.Егоров (см.: Егоров Б.Ф. Указ. соч. С. 54).
- 18 В комментарии к Полному собранию сочинений А.С.Пушкина в 6-и т. отмечена связь "Детской книжки" со штампами современной Пушкину литературы для детского чтения (см.: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 6 т. М.; Л., 1936. Т. 5. С. 646).
- 19 В докладе Н.Н.Петруниной "Иван Петрович Белкин и болдинские повести А.С.Пушкина" на конференции "184-я годовщина со дня рождения А.С.Пушкина" в ИРЛИ АН СССР отмечена генетическая общность образов Белкина и Косичкина, представляющих собой этапы развития одного общего "культурного типа автора" (см.: Хроника // Русская литература. 1983, № 4. С. 218).
- 20 Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. М., 1984. С. 181-182.

Н.В.Смирнова
(Уральский госуниверситет
имени А.М.Горького)

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЕ ПОДРАЖАНИЙ "ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ"

Одним из показателей мощного влияния "Евгения Онегина" на литературу начала XIX в. является количество подражаний роману. Начиная с 1827 г. по 1840 г. опубликовано более двух десятков стихотворных произведений, большей частью неоконченных или фрагментарных, авторы которых стремятся воспроизвести формальные и содержательные признаки "Евгения Онегина".

Изучены они недостаточно, хотя вызывают множество вопросов. В данной статье рассматривается лишь один из них - вопрос о том, в какой степени подражание произведению является

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР

Калининский государственный университет

А.С.ПУШКИН. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

**Межвузовский тематический
сборник научных трудов**

Калинин 1987